

Максим Горький

Разрушение личности

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Максим Горький

Разрушение личности / Максим Горький – М.: Книга по Требованию, 2011. – 46 с.

ISBN 978-5-4241-2735-9

Один из самых популярных авторов рубежа XIX и XX веков, прославившийся изображением романтизированного деклассированного персонажа («босняка»), автор произведений с революционной тенденцией, лично близкий социал-демократам, находившийся в оппозиции царскому режиму, Горький быстро получил мировую известность.

ISBN 978-5-4241-2735-9

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Горький Максим
Разрушение личности

А.М.Горький

Разрушение личности

Народ - не только сила, создающая все материальные ценности, он единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них - историю всемирной культуры.

Во дни своего детства, руководимый инстинктом самосохранения, голыми руками борясь с природой, в страхе, удивлении и восторге пред нею, он творит религию, которая была его поэзией и заключала в себе всю сумму его знаний о силах природы, весь опыт, полученный им в столкновениях с враждебными энергиями вне его. Первые победы над природой вызвали в нём ощущение своей устойчивости, гордости собою, желание новых побед и побудили к созданию героического эпоса, который стал вместительным хранилищем знаний народа о себе и требованиях к себе самому. Затем миф и эпос сливались воедино, ибо народ, создавая эпическую личность, наделял её всей мощью коллективной психики и ставил против богов или рядом с ними.

В мифе и эпосе, как и в языке, главном деятеле эпохи, определённо сказывается коллективное творчество всего народа, а не личное мышление одного человека. "Язык, - говорит Ф.Буслаев, - был существенной составной частью той нераздельной деятельности, в котором каждое лицо хотя и принимает живое участие, но не выступает ещё из сплочённой массы целого народа".

Что образование и построение языка - процесс коллективный, это неопровержимо установлено и лингвистикой и историей культуры. Только гигантской силой коллектива возможно объяснить непревзойдённую и по сей день глубокую красоту мифа и эпоса, основанную на совершенной гармонии идеи с формой. Гармония эта, в свою очередь, вызвана к жизни целостностью коллективного мышления, в процессе коего внешняя форма была существенной частью эпической мысли, слово всегда являлось символом, то есть речение возбуждало в фантазии народа ряд живых образов и представлений, в которые он облакал свои понятия. Примером первобытного сочетания впечатлений является крылатый образ ветра: невидимое движение воздуха олицетворено видимою быстротой полёта птицы; далее легко было сказать: "Реют стрелы яко птицы". Ветер у славян - стри, бог ветра - Стрибог, от этого корня стрела, стрезень (главное и наиболее быстрое течение реки) и все слова, означающие движение: встреча, струг, сринуть, рыскасть и т.д. Только при условии сплошного мышления всего народа возможно создать столь широкие обобщения, гениальные символы, каковы Прометей, Сатана, Геракл, Святогор, Илья, Микула и сотни других гигантских обобщений жизненного опыта народа. Мощь коллективного творчества всего ярче доказывается тем, что на протяжении сотен веков индивидуальное творчество не создало ничего равного "Илиаде" или "Калевале" и что индивидуальный гений не дал ни одного обобщения, в корне коего не лежало бы народное творчество, ни одного мирового типа, который не существовал бы ранее в народных сказках и легендах.

Мы ещё не имеем достаточного количества данных для суждения о творческой работе коллектива - о технике создания героя, но, мне кажется, объединяя наши знания по вопросу, дополняя их догадками, мы уже можем, приблизительно, очертить этот процесс.

Возьмём род в его непрерывной борьбе за жизнь. Небольшая группа людей, окружённая отовсюду непонятными и часто враждебными явлениями природы, живёт тесно, в постоянном общении друг с другом; внутренняя жизнь каждого её члена открыта наблюдениям всех, его ощущения, мысли, догадки становятся достоянием всей группы. Каждый член группы инстинктивно стремился высказаться о себе до конца, - это внушалось ему ощущением ничтожества своих сил перед лицом грозных сил зверя и леса, моря и неба, ночи и солнца, это вызывалось и видениями во сне и странную жизнью дневных и ночных теней. Таким образом, личный опыт немедленно вливался в запас коллективного, весь коллективный опыт становился достоянием каждого члена группы.

Единица представляла собой воплощение части физических сил группы и всех её знаний - всей психической энергии. Единица - исчезает, убитая зверем, молнией, задавленная упавшим деревом, камнем, поглощённая чарусой болота или волной реки, - все эти случаи воспринимаются группой как проявление разных сил, которые враждебно подстерегают человека на всех его путях. Это вызывает в группе печаль об утрате части своей физической энергии, опасение новых потерь, желание оградить себя от них, противопоставить силе смерти всю силу сопротивления коллектива и естественное желание борьбы с нею, мести ей. Вызванные убылью физической силы переживания коллектива слагались во единое, бессознательное, но необходимое и напряжённое желание - заместить убыль, воскресить отошедшего, оставить его в своей среде. И на тризне по родном человеке род впервые создавал в своей среде личность; ободряя себя и как бы угрожая кому-то, он, род, соединял с этой личностью всю свою ловкость, силу, ум и все качества, делавшие единицу и группу более устойчивой, более мощной. Возможно, что каждый член рода в этот момент вспоминал какой-либо свой личный подвиг, свою удачную мысль, догадку, но, не ощущая своё "я" как некое бытие вне коллектива, присоединял всё содержание этого "я", всю энергию его к образу погибшего, И вот над родом возвышается герой, вместилище всей энергии племени, уже воплощённой в деяниях, отражение всей духовной силы рода. В этот момент должна была создаваться совершенно особенная психическая среда: возникала воля к творчеству, превращавшая смерть в жизнь. Все воли, направленные с одинаковой силой на воспоминание о погибшем, делали это воспоминание центром своего пресечения, и, может быть, коллектив даже ощущал присутствие в своей среде героя, только что созданного им. Мне думается, что на этой стадии развития явилось понятие "он", но ещё не могло сложиться "я", ибо коллектив не имел в нём нужды.

Роды объединялись в племена - образы героев сливались в образ племенного героя, и возможно, что двенадцать подвигов Геркулеса знаменуют собой союз двенадцати родов.

Создав героя, любуясь и гордясь его мощью и красотой, народ необходимо должен был внести его в среду богов - противопоставить свою организованную энергию многочисленности сил природы, взаимно враждебных самим себе и человечеству. Спор человека с богами вызывает к жизни грандиозный образ Прометея, - гения человечества, и здесь народное творчество гордо возносится на высоту величайшего символа веры, в этом образе народ вскрывает свои великие цели и сознание своего равенства богам.

По мере размножения людей возникает борьба родов, рядом с коллективом

"мы" встаёт коллектив "они" - и в борьбе между ними возникает "я". Процесс образования "я" аналогичен процессу образования эпического героя, коллектив нуждался в образовании личности, потому что должен был разделять в себе функции борьбы с "ними" и с природой, должен был вступить на путь специализации, делить свой опыт между членами своими, - этот момент был началом дробления целостной энергии коллектива. Но, выдвигая из среды своей личность в качестве вождя или жреца, коллектив насыщал её своим опытом точно так же, как в образ героя влагал массу своей психики. Воспитание вождя и жреца должно было иметь характер внушения, гипноза личности, обречённой на выполнение руководящей функции; но, творя личность, коллектив не нарушал в себе органического сознания единства своих сил, - процесс разрушения этого сознания совершился в психике индивидуальной. Когда личность, выделенная коллективом, встала впереди него, в стороне от него и, затем, над ним, - первое время она, трудясь, выполняла возложенную на неё функцию как орган коллектива, но далее, развив свою ловкость и проявив личную инициативу в тех или иных новых комбинациях данного ей материала коллективного опыта, сознала себя как новую творческую силу, независимую от духовных сил коллектива.

Этот момент является началом расцвета личности, а это её новое самосознание - началом драмы индивидуализма.

Стоя впереди коллектива, жадно наслаждаясь ощущением своей силы, видя своё значение, личность первое время не могла ощущать пустоты вокруг себя, ибо психическая энергия родной среды продолжала передаваться ей из коллектива. Он видел в её росте доказательство своей силы, продолжал насыщать своей энергией ещё не враждебное ему "я", искренно любовался блеском ума, обилием способностей вождя и венчал его венцами славы. Пред вождём стояли образы эпических героев племени, возбуждая его к равенству с ними, коллектив в лице вождя чувствовал возможность создать нового героя, и эта возможность была жизненно важна ему, ибо слава подвигов данного племени была в ту пору столь же крепкой обороной от врага, как мечи и стены городов.

"Я" вначале не теряло ощущения своей связи с коллективом, оно чувствовало себя вместилищем опыта племени и, организуя этот опыт в форму идей, ускоряло процесс накопления и развития новых сил.

Но, имея в памяти образы героев, вкусив сладость власти над людьми, личность стала стремиться к закреплению за собой данных ей прав. Она могла это делать, лишь превращая созданное и сменяющееся в незыблемое, выдвинувшие её формы жизни - в непоколебимый закон; других путей к самоутверждению у неё не было.

Поэтому мне кажется, что в области духовного творчества личность играла консервативную роль: утверждая и отстаивая свои права, она должна была ставить пределы творчеству коллектива, она суживала его задачи и тем искажала их.

Коллектив не ищет бессмертия, он его имеет, личность же, утверждая свою позицию владыки людей, необходимо должна была воспитать в себе жажду вечного бытия.

Народ, как всегда, стихийно творил, побуждаемый стремлением своим к синтезу - к победе над природой, личность же, утверждая единобожие, утверждала свой авторитет, своё право на власть.

Когда индивидуализм укреплялся в жизни как начало командующее и угнетающее, он создал бессмертного бога, заставил массы признать личное "я" богоподобным и сам уверовал в творческие силы свои. Далее, в эпоху своего расцвета, стремление личности к абсолютной свободе необходимо поставило её резко против ею же установленных традиций и ею же созданного образа бессмертного бога, который освящал эти традиции. В своём стремлении ко власти индивидуализм был вынужден убить бессмертного бога, опору свою и оправдание бытия своего; с этого момента начинается быстрое крушение богоподобного одинокого "я", которое без опоры на силу вне себя не способно к творчеству, то есть к бытию, ибо бытие и творчество - едино суть.

Современный нам индивидуализм вновь разнообразно питается воскресить бога, дабы силою авторитета его снова укрепить истощённые силы "я", одряхлевшего, закутавшегося в тёмном лесу узко личных интересов, навсегда потеряв дорогу к источнику живых творческих сил - коллективу.

У племени возникал страх перед самовластием личности и враждебное отношение к ней. Бестужев-Рюмин приводит следующее свидетельство Ибн-Фоцлана о болгарах Волги: "Если они встречают человека с необыкновенным умом и глубоким познанием вещей, то говорят: "Ему впору служить богу", потом схватывают его, вешают на дереве и оставляют в таком положении, доколе труп не распадётся на части". У хозар был такой порядок: выбрав вождя, ему накидывали петлю на шею и спрашивали, сколько времени хочет он управлять народом. Сколько лет он назначит, столько и должен править, иначе его умерщвляют. Этот обычай встречался также у других тюркских племён; он знаменует собою степень страха племени перед развитием личного начала, враждебного коллективным целям.

В легендах, сказках и поверьях народа мы находим бесчисленное количество поучительных доказательств бессилия личности, насмешек над её самоуверенностью, гневных осуждений её жажды власти и вообще враждебного отношения к ней; народное творчество пропитано убеждением в том, что борьба человека с человеком ослабляет и уничтожает коллективную энергию человечества. Во всей этой суровой дидактике определенно сказывается глубоко поэтически сознание народом убеждение в творческих силах коллектива и его громкий, порою резкий призыв к стройному единению ради успеха борьбы против тёмных сил враждебной людям природы. Если же человек вступает в эту борьбу единолично, его подвергают осмеянию, осуждают на гибель. Разумеется, в этом споре, как во всякой вражде людей, обе стороны неизбежно преувеличивали грехи друг друга, а преувеличение влекло к ещё большей злобе и большему разобщению двух творческих начал - первичного и производного.

По мере количественного размножения "личностей" они вступали в борьбу друг с другом за объём власти, за охрану интересов всё более жадного к славе "я"; коллектив дробился, всё менее питал их своей энергией, психическое единство таяло, и личность бледнела. Ей уже приходилось удерживать занятую позицию против воли племени, нужно было всё более зорко ограждать своё личное положение, имущество, жён и детей. Задачи самодовлеющего бытия индивидуальности становились сложны, требовали огромного напряжения; в борьбе за свободу своего "я" личность совершенно оторвалась от коллектива и оказалась в страшной и быстро истощившей её силы пустоте. Началась анархи-

ческая борьба личности с народом - картина, которую рисует нам всемирная история и которая становится так невыносима для совершенно разрушенной, бессильной личности наших дней.

Росла всеразделяющая частная собственность, обостряя отношения людей, возникли непримиримые противоречия; человек должен был напрягать все силы на самозащиту от поглощения бедностью, на охрану личных своих интересов, постепенно теряя связь с племенем, государством, обществом, и даже, как мы это видим теперь, он едва выносит дисциплину своей партии, его тяготит даже семья.

Каждый знает, какую роль играла частная собственность в дроблении коллектива и в образовании самодовлеющего "я", но в этом процессе мы должны видеть, кроме физического и духовного порабощения народа, распад энергии народных масс, постепенное уничтожение гениальной, поэтически и стихийно творящей психики коллектива, которая одарила мир наивысшими образами художественного творчества.

Сказано, что "рабы не имеют истории", и, хотя это сказано господами, здесь однако есть доля правды. Народ, в котором и церковь и государство с одинаковым усердием умерщвляли душу, стараясь обратить его в покорную их воле физическую силу, - народ был лишён и права и возможности создавать свои догадки о смысле жизни, отражать в образах и легендах свои чаяния, мысль свою и надежды.

Но, хотя - духовно скованный - он не мог подняться до прежних высот поэтического творчества, он всё же продолжал жить своей глубокой внутренней жизнью, создал и создаёт тысячи сказок, песен, пословиц, иногда восходя до таких образов, как Фауст и т.д. Создавая эту легенду, народ как бы хотел отметить духовное бессилие личности, уже явно и давно враждебной ему, осмеять её жажду наслаждений и попытки познать непознаваемое для неё. Лучшие произведения великих поэтов всех стран почерпнуты из сокровищницы коллективного творчества народа, где уже издревле даны все поэтические обобщения, все прославленные образы и типы.

Ревнивец Отелло, лишённый воли Гамлет и распутный дон-Жуан - все эти типы созданы народом прежде Шекспира и Байрона, испанцы пели в своих песнях "жизнь - есть сон" раньше Кальдерона, а магометане-шииты говорили это раньше испанцев, рыцарство было осмеяно в народных сказках раньше Сервантеса и так же зло и так же грустно, как у него.

Мильтон и Данте, Мицкевич, Гёте и Шиллер возносились всего выше тогда, когда их окрыляло творчество коллектива, когда они черпали вдохновение из источника народной поэзии, безмерно глубокой, неисчислимо разнообразной, сильной и мудрой.

Я отнюдь не умаляю этим права названных поэтов на всемирную славу и не хочу умалять; я утверждаю, что лучшие образы индивидуального творчества дают нам великолепно ограниченные драгоценности, но эти драгоценности были созданы коллективно силою народных масс. Искусство - во власти индивидуума, к творчеству способен только коллектив. Зевса создал народ, Фидий воплотил его в мрамор.

Сама по себе, вне связи с коллективом, вне круга какой-либо широкой, объединяющей людей идеи, индивидуальность - инертна, консервативна и враждеб-

на развитию жизни.

Посмотрите с этой точки зрения историю культуры, следя за ролью индивидуализма в эпохи застоя жизни, изучая типы его в эпохи активные, как, например, Возрождения и Реформации; вы увидите: в первом случае явный консерватизм индивидуальности, её склонность к пессимизму, квиетизму и другим формам нигилистического отношения к миру. В такие моменты, когда народ, как всегда, непрерывно кристаллизует свой опыт, личность, отходя от него, игнорируя его жизнь, как бы утрачивает смысл своего бытия и, бессильная, позорно влачит дни свои в грязи и пошлости будней, отказываясь от своей великой творческой задачи - организации коллективного опыта в форму идей, гипотез, теорий. Во втором случае вас поражает быстрый рост духовной мощи личности - явление, которое можно объяснить лишь тем, что в эти эпохи социальных бурь личность становится точкой концентрации тысяч волей, избравших её органом своим, и встаёт перед нами в дивном свете красоты и силы, в ярком пламени желаний своего народа, класса, партии.

Безразлично, кто эта личность - Вольтер или протопоп Аввакум, Гейне или Фра-Дольчино - и неважно, какая сила движет ими - ротюра или расколники, немецкая демократия или крестьянство, - важно, что все герои являются перед нами как носители коллективной энергии, как выразители массовых желаний. Мицкевич и Красинский явились во дни, когда их родной народ был цинично разорван натрое физически, но ещё с большей энергией, чем когда-либо раньше, чувствовал себя цельным духовно. И всегда и всюду на протяжении истории - человека создавал народ.

Особенно ярким доказательством данного положения служит жизнь итальянских республик и коммун в tre- и quattrocento (четырёхнадцатом и пятнадцатом веках), когда творчество итальянского народа глубоко коснулось всех сторон духа, охватило пламенем своим всю широту строительства жизни, создало столь великое искусство, вызвав к жизни изумительное количество великих мастеров слова, кисти и резца,

Величие и красота искусства прерафаэлитов объясняется физической и духовной близостью артиста с народом; художники наших дней легко могли бы убедиться в этом, попробовав идти путями Гирландайо, Донателло, Брунеллески и всех деятелей этой эпохи, в которой творчество в напряжённости своей граничало с безумием, было подобно мании и артист был любимцем народной массы, а не лакеем мецената. Вот как писал в 1298 году народ Флоренции, поручая Арнольфо ди-Лапо построить церковь: "Ты воздвигнешь такое сооружение, грандиознее и прекраснее которого не могло бы представить себе искусство человеческое, ты должен создать его таким, чтобы оно соответствовало сердцу, которое сделалось чрезвычайно великим, соединив в себе души граждан, сплочённых водную волю".

Когда Чимамбуэ окончил свою мадонну - в его квартале была такая радость, такой взрыв восторга, что квартал Чимамбуэ получил с того дня название "Vogto Allegro" (Весёлый квартал). История Возрождения переполнена фактами, которые утверждают, что в эту эпоху искусство было делом народа и существовало для народа, он воспитал его, насытил соком своих нервов и вложил в него свою бессмертную, великую, детски наивную душу. Это неоспоримо вытекает из показаний всех историков эпохи; даже антидемократ Монье, заканчивая свою

книгу, говорит:

"Quattrocento показало всё, что человек в состоянии сделать. Оно показало, кроме того, - и этим оно даёт нам урок, - что человек, предоставленный своим собственным силам, отнятый от целого, опираясь только на самого себя и живя только для себя одного, не может совершить всего".

"Искусство и народ процветают и возвышаются вместе, так полагаю я, Ганс Сакс!"

Мы видим, как ничтожны "совершения" человека наших дней, мы видим горестную пустоту его души, и это должно заставить нас подумать о том, чем грозит нам будущее, посмотреть, чему поучает прошлое, открыть причины, ведущие личность к неизбежной гибели.

С течением времени жизнь принимает всё более жёсткий и тревожный характер борьбы всех со всеми; в этом непрерывном кипении вражды должны бы развиться боевые способности "я", вынужденного неустанно отражать напор себе подобных, и если индивидуальность вообще способна к творчеству, то именно этот бой всех со всеми даёт наилучшие условия для того, чтобы "я" показало миру всю силу своего духа, всю глубину поэтического дара. Однако индивидуальное творчество само не создало пока ни Прометеев, ни даже Вильгельма Телля и ни одного поэтического образа, который можно было бы сравнить по красоте и силе с Гераклами седой древности.

Было создано множество Манфредов, и каждый из них разными словами говорил об одном - о загадке жизни личной, о мучительном одиночестве человека на земле, возвышаясь порою до скорби о печальном одиночестве земли во вселенной, что звучало весьма жалостно, но не очень гениально. Манфред это выродившийся Прометей XIX века, это красиво написанный портрет мещанина-индивидуалиста, который навсегда лишён способности ощущать в мире что-либо иное, кроме себя и смерти пред собою. Если он иногда говорит о страданиях всего мира, то он не вспоминает о стремлении мира уничтожить страдания, если же вспоминает об этом, то лишь для того, чтобы заявить: страдание непобедимо. Непобедимо - ибо опустошённая одиночеством душа слепа, она не видит стихийной активности коллектива и мысль о победе не существует для неё. Для "я" осталось одно наслаждение - говорить и петь о своей болезни, о своём умирании, и, начиная с Манфреда, оно поёт панихиду самому себе и подобным ему одиноким, маленьким людям.

Поэзии этого тона присвоено имя "поэзии мировой скорби"; рассматривая её смысл, мы найдём, что "мир" привлечён сюда в качестве прикрытия, за которым прячется не помнящее родства, голое человеческое "я", - прячется, дрожит от страха смерти и совершенно искренно кричит о бессмысленности индивидуального существования. Отождествляя себя с живым великим миром, индивидуальность переносит ощущение утраты смысла своего бытия на весь мир: говорит о гордости своим одиночеством и надоедает людям, как комар, требуя их внимания к стонам своей жалкой души.

Эта поэзия иногда сильна, но - как искренний вопль отчаяния; она, может быть, красива, но - как проказа в изображении Флобера; она вполне естественна как логическое завершение роста личности, которая умертвила в своей груди источник бодрости и творчества - чувство органической связи с народом.

Рядом с этим процессом агонии индивидуализма железные руки капитала,

помимо воли своей, снова создают коллектив, сжимая пролетариат в целостную психическую силу. Постепенно, с быстротой всё возрастающей, эта сила начинает сознавать себя как единственно призванную к свободному творчеству жизни, как великую коллективную душу мира.

Возникновение этой энергии кажется глазам индивидуалистов тёмною тучею на горизонте, оно их страшит, быть может, с тою же силой, как смерть физическая, ибо в нём скрыта для них необходимость социальной смерти. Каждый из них считает своё "я" заслуживающим особенного внимания, высокой оценки, но пролетариат, идущий обновить жизнь мира, не хочет подать сим "аристократам духа" милостыню внимания своего; они это знают и потому искренно ненавидят его.

Некоторые из них, будучи хитрее и понимая великое значение грядущего, желали бы встать в ряды социалистов как законодатели, пророки, командиры, но пролетариат должен понять и неминуемо поймёт, что эта готовность мещан идти в ногу с ним скрывает под собою всё то же стремление мещанина к "самоутверждению своей личности".

Духовно обнищавшая, заплутавшаяся во тьме противоречий, всегда смешная и жалкая в своих попытках найти уютный уголок и спрятаться в нём, личность неуклонно продолжает дробиться и становится всё более ничтожной психически. Чувствуя это, охваченная отчаянием, сознавая его или скрывая от себя самой, она мечется из угла в угол, ищет спасения, погружается в метафизику, бросается в разврат, ищет бога, готова уверовать в дьявола - и во всех её исканиях, во всей суеде её ясно видно предчувствие близкой гибели, ужас перед неизбежным будущим, которое, если и не сознаётся, то ощущается ею более или менее остро. Основное настроение современного индивидуалиста тревожная тоска; он напрягает все силы свои, чтобы как-нибудь прицепиться к жизни, и нет сил, осталась только хитрость, названная кем-то "умом глупцов". Внутренно оборванный, потёртый, раздёрванный, он то дружелюбно подмигивает социализму, то льстит капиталу, а предчувствие близкой социальной гибели ещё быстрее разрушает крохотное, рахитичное "я". Его отчаяние всё чаще переходит в цинизм: индивидуалист начинает истерически отрицать и сжигать то, чему он вчера поклонялся, и на высоте своих отрицаний неизбежно доходит до того состояния психики, которое граничит с хулиганством. Понятие "хулиганство" я употребляю не из желания обидеть уже обиженных и унижить униженных, - тяжелее и горше, чем мог бы я, это делает жизнь; нет, хулиганство - просто результат психофизического вырождения личности, неоспоримое доказательство крайней степени её разложения. Вероятно, это хроническая болезнь коры большого мозга, вызванная недостатком социального питания, болезнь воспринимающего аппарата, который становится всё более тупым, вялым и, всё менее чутко воспринимая впечатления бытия, вызывает, так сказать, общую анестезию интеллекта.

Хулиган - существо, лишённое социальных чувств, он не ощущает никакой связи с миром, не сознаёт вокруг себя присутствия каких-либо ценностей и даже постепенно утрачивает инстинкт самосохранения - теряет сознание ценности личной своей жизни. Он не способен к связанному мышлению, с трудом ассоциирует идеи, мысль вспыхивает в нём искрами и, едва осветив призрачным, больным сиянием какой-либо ничтожный кусочек внешнего мира, бесплодно угасает. Впечатлительность его болезненно повышена, но поле зрения узко и способность